

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Уникальность таланта молодого российского певца Олега ПОГУДИНА подразумевает наличие у него своей особой аудитории, состоящей из истинных ценителей и знатоков национальных песенных традиций. Количество желающих услышать в его исполнении Подлинный Русский Романс растет с каждым днем, что на фоне нынешнего массового помешательства на почве псевдозападной попсы выглядит чуть ли не парадоксом. Отсюда и первый вопрос обладателю проникновенного лирического тенора.

- Олег, как вы отважились в наше-то время на столь отчаянную смелость, как карьера исполнителя старинного романса?

- В этом смысле я целиком и полностью обязан двум вещам - природе и времени, за что низкий им поклон! Мой жизненный выбор был вовсе не жестом отчаяния. Напротив, это был единственно возможный для меня, желанный путь, который мне назначила судьба. Природная органика, гармония во всем - вот мой девиз, вот основа моей психофизики. Романс для меня - это самый родной мне язык, на котором мне легче всего разговаривать с публикой.

- Ну а как же наше нынешнее время? Как сочетать с ним умный, тонкий, поэтический романс?

- Видите ли, когда я в 1990 году окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, ни о какой самостоятельной вокальной карьере я, поверь-

те, даже и не помышлял. В дипломе у меня было записано: «актер музыкально-драматического театра».

- То есть прямая дорога в оперетту?

- Нет, первые три года после вуза я как раз отработал не где-нибудь, а в знаменитом ленинградском БДТ. И только после этого рискнул отправиться в самостоятельное творческое плавание.

- В такое-то лихое время - начало девяностых годов, апофеоз распада - набирает силу криминал. И вдруг вот вам - старинный романс...

- Вы знаете, тут я бы с вами согласился не во всем. Да, с одной стороны это было страшное, непредсказуемое время. Но с другой - это была романтика в чистом виде. Тогда все еще только устанавливалось, было зыбко, неопределенно. Никто не знал, что это значит - рынок, как вести себя при новых, изменившихся условиях. Конечно, было трудно с день-

гами, но зато была и полная свобода действий - делаешь все, что хочешь! Как говорится, твори, выдумывай, пробуй. Теперь, естественно, не то. Рыночные отношения в мире отечественной эстрады очень жестко монополизированы, все уложено в систему шоу-бизнеса. Что же касается начала девяностых, то они для меня оказались счастливыми. Я вовремя ушел из БДТ, который я всегда любил, и вовремя сумел найти свой путь, свой стиль. Сегодня, думаю, это было бы сделать немного труднее, учитывая особую специфику моего творчества.

- Да уж, в системе современных «звездных фабрик» вас никак вообразить нельзя! Видимо, дело еще и в корнях? Все-таки питерское происхождение и до сих пор волей-неволей придает его носителю некий оттенок аристократизма.

- Да, я коренной петербуржец (тогда - ленинградец), но, правда, род мой не имеет никакого отношения к дворянскому сословию. К тому же я не склонен проводить резкую антитезу - «Петербург» или «Москва» хотя бы потому, что в наше время все границы и различия стремительно стираются. Думаю, не стоит утверждать, что вся наша культура сосредоточена в одном только Санкт-Петербурге! Другое дело, что нашей северной столице действительно свойственно определенное духовное благородство.

- И все же о ваших корнях.

- Родился я в Ленинграде, в семье инженеров - Евгения Владимировича и Людмилы Васильевны. А корни мои абсолютно крестьянские. К слову, мне известна практически вся генеалогия рода Погудиных вплоть до середины XVIII века. Стоит отметить, что мои предки были не крепостными, а казенными крестьянами. Но о Погудиных известно и из хроник более раннего времени.

- Фамилия уж больно музыкальная...

- Да, она происходит, возможно, от древнего русского слова «гудок», то есть «скрипка». Но на некоторых диалектах слово «погудка» означает просто песню.

- То есть у вас в вашей фамилии как бы уже заложена судьба.

- Ну, в любом случае в роду Погудиных всегда было много поющих, умеющих петь. Видимо, есть что-то природное, заложенное в генах.

- А когда запели вы?

- В возрасте девяти лет я уже стал профессиональным певцом и даже получал за это деньги. А именно, был солистом детского хора Ленинградского радио и телевидения. После чего был ЛГИТМиК, который я окончил, кстати, с красным дипломом.

- И все-таки: уж если вы избрали для себя вокальную карьеру, почему вы с вашими-то данными не окунулись в попсу - хотя бы ради заработка? Неужели это вас не привлекало?

- Вы знаете, мне в этом смысле просто сначала повезло. А именно, как только я стал исполнять старинные романсы, к моему творчеству проявила большое внимание заграница. И я несколько лет фактически прожил за рубежом. В основном в Скандинавии, в Швеции, где и по сей день существует особый спрос на традиционное вокальное искусство.

- Вы ведь достаточно популярны на отечественном ТВ, где снято несколько фильмов-концертов с вашим участием. Что это за фильмы?

- Мое первое появление в петербургской редакции РТР состоялось еще в 1993 году, что я считаю своей очень большой удачей. Первым был фильм «Посвящение Мастеру», он посвящался Георгию Товстоногову. Второй уже целиком состоял из романсов в моем исполнении. Был фильм «Звезда любви», два фильма, посвященных творчеству Александра Вертинского, два фильма, посвященных народной песне, фильм, посвященный Булату Окуджаве...

- Да вы у нас попросту кинозвезда! Вот тут-то, видимо, и пригодились ваша первая, актерская, профессия? Кстати, никогда не думал, что кто-то может пойти на риск петь песни Вертинского. Но вот, однако же, Олег Погудин все-таки рискнул - и в резуль-

тате полная победа! Выходит, вы ко всему прочему еще и смелый человек?

- Вертинского я люблю, что, возможно, мне и помогло.

- А что касается живых концертов, непосредственных контактов с публикой?

- Вы знаете, на дефицит внимания к моему творчеству мне, очевидно, жаловаться грех. Бывает, на мои концерты люди приезжают специально из достаточно далеких мест - к примеру, из Владивостока, Воркуты...

- Но главное - вы покинули Москву.

- В Москве я регулярно выступаю начиная с 1998 года. В связи с этим я обзавелся своим музыкальным ансамблем, раньше я обычно выходил с гитарой или же с моим аккомпаниатором Михаилом Радюкевичем.

- А как вы подбираете репертуар? Так, для меня стал настоящим откровением ваш концерт в Политехническом музее, целиком составленный из романсов на стихи Лермонтова. Кто мог знать, что существует столько лермонтовских песен, кроме «Выхожу один я на дорогу»?

- К слову, только лишь на эти его стихи написано около десятка романсов самых разных авторов...

- Олег, в Испании, допустим, существует слово «романсеро», которое можно истолковывать как «исполнитель романсов». А как с этим у нас? Не скажете же ведь - «романсист».

- Я - лирический певец. Или, если угодно, лирический тенор. Вообще в моем репертуаре очень много самых разных лирических песен от конца XVIII до конца XX века.

- Диапазон в два столетия - это, знаете, по плечу не каждому! И как же вы ориентируетесь в этом музыкальном океане?

- Для меня важен один только критерий - хороший, умный текст и полноценная хорошая мелодия.

Мелодика русской песни - это совершенно дивное и по сей день неоцененное богатство!

- Например?

- Да вот хотя бы «Волга-

реченька глубока». Все считают ее народной, хотя у нее есть автор... Что же касается романа, он начинается с Глинки. В принципе весь XIX век для меня - эстетическая доминанта, я в него попросту влюблен. В конечном счете вся советская лирическая песня вышла из романа.

- Вы знаете, тут возникает некий парадокс. С одной стороны, перед нами - молодой человек, современный певец. С другой стороны, он - хранитель старинных традиций, вызывающий ассоциации с чем-то древним, старинным, музейным... Возможно ли такое сочетание в одном лице?

- Мало того, я это даже декларирую. И если вы дадите мне определение «хранителя традиций», буду очень даже рад. Ведь если песню не поют - она мертва, традиция забыта, память уничтожена. И что потом?

- Но ведь услышать это можно только раз в несколько лет, ибо на сцену этим песням нынче путь закрыт!

- Ну почему же? Есть известные академические коллективы, зал консерватории. Было бы только желание.

- Выходит, вы у нас сегодня нечто вроде «передвижника», несущего высокое искусство в массы?

- Я делаю лишь то, к чему лежит душа, не руководствуясь никакими идеями. Идеология приходит позже. Но я, повторяю, ни о чем таком даже не думаю. Моя работа - просто петь, петь от души. Хотя, признаться, иногда уныние накатывает от всего того, что творится с народной культурой.

- Неужто зависть не берет, глядя на то, как благоденствуют успешные попсовики?

- А чему тут завидовать? Я в Москве собираю не меньше залы - такие, скажем, как зал Чайковского или Международный дом музыки. При чем, заметьте, собираю без рекламы.

А залы - полны.

- Да, это, в общем-то, из области чудес.

- Для меня это просто работа. Я ведь, ко всему прочему, преподаю теперь еще и в театральном институте. Так что, поверьте, не хватает времени ни на родных, ни на близких друзей. Но пытаюсь по возможности чаще бывать в церкви. Мне, как человеку воцерковленному, необходимо исповедоваться, причаститься, вообще жить церковной жизнью. В связи с гастролями это необычайно трудно, но я считаю, что нет ничего более важного, чем спасение души. Ведь все идет от Бога. И в том числе, естественно, и мой любимый на всю жизнь романс...